

Глава 2. Немыслимый феномен

На следующее утро Сохэй проснулся, как крот, выползающий из ямы, а его тётя по-прежнему спала, как обычно. Ему не обязательно заходить в её комнату, дабы убедиться в том, что она спит. Тот факт, что не было звука печатанья по клавиатуре, когда раздвижные двери были закрыты, означал, что ему незачем это делать.

Он ходил в школу пешком. Так как путь занимал не более двадцати минут, он мог проехаться на велосипеде, но, к сожалению, у него не было другого выхода туда попасть, кроме как «на своих двоих». Из-за этого у Сохэя вошло в привычку выходить из дома в спешке. Пока он завтракал рисом с яйцом, из-за того, что он ушёл в себя с воспоминаниями — как прошлым вечером его тетя потребовала закупиться — сегодня он немного опоздал с выходом из дома. Он вспомнил про молоко, хлеб и крупу, но по какой-то причине забыл про бекон. Он не знал, что сказать своей тёте, когда он вернётся домой.

Когда он прибыл в школу, большинство его одноклассников уже собрались в классе. Как обычно, они занимались оживлённой болтовнёй о сайтах-видеообменниках и телевизионных программах. Внутри их круга не было ни одного человека, который позвал бы Сохэя, который только-только появился. Три школьника собрались вокруг Хидзири, сидя у окна. Кто-то из них держал свой живот от смеха: «Хидзирин, это так смешно!».

Глубоко у себя в груди, Сохэй, который сидел на своём месте, желал, чтобы сегодняшний и завтрашний дни прошли по-тихому. Отголоски ненависти, которыми он подвергался, уже стоя на пороге выделялись, отличались от друга день ото дня. Если ему повезёт и день пройдёт как нельзя мирно, тогда и в этот раз тоже ничего бы не случилось. Они просто действуют в зависимости от того, как они себя чувствуют. Но когда голос, о котором вспомнил Сохэй, достиг его ушей, его желание было прервано.

— Сохэ-э-эй!

— Хах?

Внезапно, большая тень появилась в его поле зрения, Сохэй рефлекторно откинул голову назад.

— Э-э...?

Перед его глазами появилась одна единственная девушка. Но она не была одноклассницей. Однако следует отметить, что это не походило на то, будто он никогда не видел её раньше. Он припоминал, что видел её где-то.

— ... Ах, эй! Вчера...

Её глаза напоминавшие драгоценные камни заискрились огнём.

— ... Ма, Маки-тян?

— Правильно~. Это Маки~, — сказала девушка, её ухмылка качнулась слева направо.

Это была та странная девушка, которую он встретил в потаённой святыне. По какой-то причине она числилась в этой школе и носила матроску. Но её перчатки и рваные чулки остались без изменений.

Достигнув высшей точки удивления, Сохэй заговорил низким голосом через короткое время.

— ... Ха-ах? Ч-что ты... здесь делаешь?

Но прежде чем девушка ответила, перебил другой человек.

Владелица холодного голоса появилась позади Маки-тян. Студентка и организатор класса по имени Саваи из 11 класса класса-5.

Саваи перевела свой кратковременный взгляд с Сохэя и улыбнулась: «Доброе утро, Тамагава-сан», Маки-чан.

— Утречко, Савати.

Саваи, имя которой только что назвали в уменьшительно-ласкательной форме, очень покраснела и казалась невероятно радостной. Как вы могли уже понять, она девушка со строгим характером, но теперь она отреагировала, как фанатка, чей кумир назвал её имя.

Затем эта Саваи в мгновение ока изменила выражение лица и снова взглянула на Сохэя пустым взглядом.

— И? Ты собирался что-то сказать, что же?

— Как бы... — тот факт, что это был первый обмен словами Сохэя с этой девушкой, сбил его с толку. Но тут не было никого как ему казалось, к кому мог бы он мог подойти с этим вопросом, так что у него не было выбора, кроме как спросить. — ... Ну, эта девушка из другого класса?

Когда Сохэй заговорил, Саваи на мгновение скривилась, словно проглотила арбуз.

— ... Чего!? О чём ты говоришь?

— А, что...? — Сохэй понятия не имел, что происходит. Затем он вдруг подумал. — Ах, она переведённая?

Саваи крепко обняла Маки — пока как та усмехалась, как обычно — как будто защищала котёнка, промокшего от дождя.

— Не могу в это поверить! Она здесь уже 2 месяца, а ты до сих пор не запомнил свою одноклассницу? Особенно Тамагаву-сан?

Эта сила испугала Сохэя. И так как он не мог осмыслить, почему Саваи заняла такое жёсткое, угрожающее отношение, ему потребовалось некоторое время, чтобы переварить смысл её слов. Тамагава? Её зовут Маки Тамагава? Уже 2 месяца?

— ... Одноклассница? — сказал Сохэй.

— Не могу в это поверить. Ты просто худший, — плюясь сказала Саваи и отобрала у него девушку, ныне известную как Маки Тамагава.

— Увидимся, — Маки-тян махнула рукой.

Сохэй смотрел как она уходит, ошарашенный. Почему она так себя ведёт? Саваи вела себя так, будто эта самая девушка поступила в школу в начале года. Прежде чем он понял это, Сохэй заметил, что глаза всех учеников в классе собрались нём. Хидзири также поглядывал на него сомнительными глазами. И как раз в самый подходящий момент появился учитель ведущий урок, так что эта ситуация пришла к остановке.

Маки Тамагава сидела на среднем месте у оконного ряда. До вчерашнего дня человек, который сидел на этом месте был крупный паренёк, но по непонятной причине теперь он сидел по диагонали позади Сохэя, — несмотря на то, что ещё вчера там не было парты.

Когда классные занятия подошли к концу, Сохэй нашёл возможность умыкнуть журнал посещаемости со стола у дежурного. В нём, имена мальчиков и девочек были выстроены в алфавитном порядке. Он торопливо пробежался по нему своими глазами, и в нём чётко и ясно было указано имя «Маки Тамагава». Запись была также записана прямо в середине остальных фамилий. Как будто она была там прямо с самого начала.

Сохэй положил журнал посещаемости и вернулся на своё место. Он ничего не понимал. Несмотря на то, что ещё не прошло 2 месяца, воспоминания об этой необыкновенной девушке навсегда отпечатались у него в голове, нравится ему это или нет... ну, или они должны были отпечататься. Голова Сохэя начала болеть.

... Может, я где-то ударился головой?

Характерные особенности Маки Тамагавы совсем уж не подходили её поведению.

На первом уроке: все они писали простые формулы, пока не пришла она. Сохэй и его товарищи по учёбе шокировано смотрели на неё с разинутыми ртами от начала и до конца, взволнованный учитель с проседью в волосах начал фотографировать доску цифровой камерой, которую он взял из учительской. Судя по его словам, которые он бормотал про себя, формулы, которые Маки-тян перечислила, по-видимому, могут быть ответом на знаменитое нерешенное уравнение. Когда учитель щёлкнул затвором в четвёртый раз, раздался звонок.

В музыкальном классе на втором уроке: она заняла рояль и сноровисто начала играть плавными пальцами. Сохэй в изумлении смотрел на неё, и ему казалось, что мелодия, в которой звуки, как могло показаться, скачут и приостанавливаются, может представлять собой классику.

Его молодая учительница начала дрожать, как будто она собиралась расплакаться, казалась испытывала сильнейший наплыв чувств, от композиций, которые играли одна за другой. После урока, по мнению заслуженного учителя по музыке, который появился после того, как он услышал гибкие звуки, все мелодии, сыгранные Маки-тян, напоминали композиции бывшего американского пианиста Бада Пауэлла, который был удостоен чести зваться как «Мэтр современного джаза на пианино». Будь Харука здесь, она бы наверняка была переполнена радостью.

На четвёртом уроке: середина тренажёрного зала была разделена сеткой, мальчишки занимались гимнастикой, девчонки играли в баскетбол. Во время матча, держа мяч в одной руке, Маки Тамагава добила трёх великолепных слэм-данков, в то время как другие девчонки остались лежать на полу. Неважно насколько большую оценку вы дадите, её рост скорее всего не достигал даже 160 см. И хотя Сохэй пообещал, что больше он не будет удивляться вне зависимости от того, что она сотворит, когда он понял, что она прыгнула с линии трёхочкового броска, он вышел за пределы удивления и чувствовал лишь некое подобие страха.

Поскольку она была таким иноземным существом, Маки Тамагава стала популярной в классе. Нет, эта репутация вышла за пределы так называемой границы в классном кабинете, даже люди из других классов приходили, чтобы познакомиться с ней. На переменах между уроками и обеденным перерывом, вокруг неё было так много людей, что её нельзя было увидеть. И вот в такой обстановке в классе, Сохэй быстро сообразил, что Маки Тамагава, которая начала завораживать не только школьников, а ещё и преподавательский состав, имела преимущественную силу над ним.

Гимнастика закончилась, и этот фест перешёл к обеденному перерыву. Пройдя в кафетерий на первом этаже, чтобы купить хлеба, не возвращаясь в классную комнату, Сохэй пошёл внутрь школьной территории. Сегодня была приятная безветренная погода. Рядом со скамейкой никого не было. Требования к уютному обеденному перерыву были согласованы. Но сегодня голова Сохэя была неясной и хмурой.

Почему Маки Тамагава ни с того ни с сего начала приходить сюда? — подумал Сохэй, положив в рот приторный карри с хлебом за 100 иен. Всё складывалось так, словно его одноклассники все как один считали, что её слава и её нестандартное поведение всегда были чем-то, что уже сложились. Не может же такого быть, чтобы все они сговорились и выдумывали ложь только против него одного.

— Сохэй!

— Ах.

... Она здесь.

Маки Тамагава крепко обняла Сохэя сзади: «Вот ты где-е-е. Я искала тебя.

— ... Та-Тамагава-сан. Ты искала... меня?

— Именно. Эй, Сохэй, почему ты не кушаешь вместе со всеми в классе?

— По-почему... Ну сперва... не могла бы ты отпустить меня?

Сохэй посмотрел в глаза Маки Тамагавы, которая сидела рядом с ним. Они сверкали, как глаза ребёнка, который только-только получил подарок. Они сияли так непорочно, что это было жутко, он сглотнул, не задумываясь.

— Что, ради всего святого... ты такое?

— Э, Маки? Маки — это Маки, — сказала она с озадаченным выражением лица.

— Я спрашиваю не про твоё имя. Ты же никогда до сегодняшнего дня не была в этом классе... разве не так?

— Была.

Получив неожиданно немногословный ответ, мысли Сохэя немного замедлились в нерешительности: «... А?».

— Я была там, это правда, — она говорила так, будто отвечала на обыкновенный вопрос. — Да без разницы, вообще-то, Маки ждёт Сохэя, когда тот решит, чего он пожелает. Так что скажи мне, как только ты решишь! А я сделаю всё возможное!

Маки Тамагава сжала руки в кулачки, он не понял ни единого слова, сказанного ею. Каждое из

её причудливых слов было в определённой степени так же крепко, как айсберг; он чувствовал, что они не растают от любых доступных средств, он не мог попытаться расшифровать их. Когда Сохэй наконец смог открыть рот, его перебили. Это было несколько девчонок из его класса.

— Тамагава-сан, мы принесли волейбольный мяч, — сказала Саваи. Её взгляд был сосредоточен исключительно на девушке, что сидела рядом с Сохэем, и создавалось впечатление, будто они не осознают, что рядом с ней сидит кое-кто ещё.

— Ёй, пасибо, — Маки-тян хлопнула в ладоши. — Эй, Сохэй тоже должен поиграть!

Девчонки слегка разволновались, так что теперь они поглядели на Сохэй. Не переживайте. Я и не собирался здесь этим заниматься.

— Я пас, — вставая ответил он, идя в сторону школьного здания.

— Да ла-адно, ты должен сыгра-а-ать, Сохэй!

Но другие школьницы осторожно придерживали Маки-тян, когда она пригласила его: «Давай оставим этого парня в покое», голос Саваи дошёл до него со спины.

С удовольствием, я и не просил, — подумал Сохэй.

Прошло несколько дней, и Сохэй постепенно начал понимать дикий и своевольный нрав девушки. Как только она уходила с утреннего классного часа, она становилась абсолютно невидимой прямо-таки до самого обеда, сегодня днём ему даже было интересно, собирается ли она вообще появляться. В любом случае, её поступки не показывали не единой толики постоянства, она выглядела как человек, который делает только то, что ей вздумается.

В тот день он не видел Маки Тамагаву с самого утра. Уже только из-за того, что её тут не было, Сохэй задумался, а что если ему удастся провести обычный мирный день, но этого не произошло.

Под неудачливым дождём, во время обеденного перерыва, Сохэй покусывал хлеб на своём месте в классе. Помимо постоянно продолжающихся тёмных облаков, похожих на мышиную шерсть, дождевая вода, сродни водопаду, стекала по стеклу. Но его прямой взгляд оставался на верхней части его парты. На его нейлоновом пенале зияла рваная дырка. Дырка выглядела так, будто его прокололи канцелярским ножом или чем-то таким. Это происшествие приключилось, когда он быстренько сходил в туалет. И вещь, которую он использовал ещё со средней школы, превратилась в хлам всего за какой-то короткий миг. Не то чтобы он был как-то особо эмоционально привязан к нему. Он даже не помнил, где он купил его, впрочем, не вызывало сомнений и то что он дешёвый. Тем не менее, поскольку он продолжал пользоваться этой вещью на протяжении многих лет, причина, по которой он выглядел таким несчастным была из-за того, когда он увидел его отойдя всего на краткий миг, покинув своё место — из-за этого он был в значительной степени шокирован.

Поскольку он больше не мог смотреть на него, Сохэй убрал его под свою парту. В те дни, когда Маки Тамагавы не было в школе, травля в сторону Сохэя всё чаще значительно набирала обороты.

В его обувном шкафчике почти всегда было по несколько кнопок. Увидев их в первый раз, он попытался комично посмеяться самому себе, до чего старомодно, интересно, кто-нибудь вообще подпадётся на это, но психический шок, который он получил, был не из маленьких. В его шкафчик, выставленный за классной комнатой, также бросили мокрую тряпку. Как раз, когда он вернулся из однодневной школьной поездки, лишь парта Сохэя была выброшена в коридор, как овечка, отбившаяся от стада. Как только Сохэй убрал её, вернув её на прежнее место, вокруг него просочились те же старые добрые хихиканья.

Когда Сохэй закончил есть хлеб, который он купил, кто-то крикнул: «Эй, Сима».

Это был Хидзири. С одной стороны, Сохэй подумал про себя, что для Хидзири было большой редкостью, чтобы он был тем, кто обращался к нему, но потом он рассеянно подумал, что он перестал называть его «Сохэй», как это делал давным-давно.

— Что?

— Можно с тобой поговорить пару сек?

Оставляя в стороне то, как он выразил это своими словами, его тон нёс в себе настоящую необходимость. Кроме него было ещё двое других, так что место Сохэя окружили трое.

«И о чём, чёрт побери», Сохэй был настороже.

— Слыш, я думаю, тебе надо завязывать с этим поведением, что у тебя с Тамагавой-сан.

— ... Поведение?

— Пусть Тамагава-сан и даёт тебе общаться с ней, она сказала мне, что ты ведёшь себя прохладно.

— Как бы, даже если она такое сказала...

— Мне не хотелось поднимать эту тему, но это достаёт некоторых людей в нашем классе. Я рассказываю тебе, потому что я твой старый друг.

Хидзири встретился глазами с двумя другими, он снова посмотрел обратно на Сохэя и нагло улыбнулся.

— И ещё тебе надо бы, пожалуй, пообходительней относиться к девушкам, когда с ними общаешься.

Когда он сказал это, один из парней положил руку на плечо Сохэя. Это был мальчишка по имени Сирояма из футбольного клуба.

— Эй, а как так вышло, что Тамагава-сан — единственная девушка, в которую ты втюрился? Расскажи-ка нам, — сказал Сирояма с усмешкой.

Именно по этой причине травля за последние несколько дней и ускорилась. Потому что Маки Тамагава, та что приковывает на себе всё внимание в школе, всегда ходит за ним по пятам. «Да что в нём такого особенного» — независимо от пола, их глаза всегда оценивали его этим вопросом. Хотелось бы задать тот же вопрос, — думал он каждый раз глубоко в груди.

— Эм... не знаю, — он правда не знал.

Сирояма разбрюзжался: «Ну, один хрен, не увлекайся так сильно Тамагавой-сан».

— ... Я правда не...

— Хах? Чёт не нравится?

Когда Сирояма пригрозил ему, Сохэй закрыл рот, как увядший цветок. Обратное привело бы к началу нешуточной драки.

— Лады, на том и сошлись, — сказал Хидзири. — Береги себя.

Его тон был ровно таким же, как будто он поступал из чувства справедливости. Но что это значит? Однако Сохэю не хватило смелости спросить его об этом прямо в лицо. Скажи он такое — и столкнётся с новой травлей, в этом можно не сомневаться.

Неожиданно, дверь в классную комнату открылась. Появилась Маки Тамагава.

— Доброе утро.

Класс ожил. Все приподняли головы, их взгляды устремились на неё. Несмотря на то, что начался уже пятый урок, ей, вероятно, спустят это с рук, казалось, так все думали.

Сирояма попытался было подойти к ней и поздороваться жизнерадостным голосом: «Утречко, Тамагава-сан!».

— Утречко, Сиро-тан, — сказала Маки Тамагава. Сирояма скорчил довольную рожу. Затем она сказала: «Сохэй, доброе утро!».

— ... Доброе утро.

Сохэй говорил как можно более гостеприимно. Как обычно, экспрессия Сироямы была похожа на человека, который совсем недавно вышел из горячей ванны, но хоть он и не мог заставить себя улыбнуться, он думал, что это было достаточно добротным. Именно в этот момент появился учитель английского. Когда разбросанные ученики восприняли это как знак вернуться на свои места, Маки Тамагава о которой шла речь приблизилась к ушам Сохэя и прошептала.

— Маки узнает желание Сохэя, несмотря ни на что.

Удивленный, тело Сохэя отскочило назад: «... Что?».

— Маки сделает что угодно, чтобы узнать.

После того как она сказала это, она быстро вернулась на своё место. У Сохэя не было времени, расспрашивать её повторно. Что, ради всего святого, она подразумевает под «желанием»? Она говорит про это с тех самых пор, как я впервые встретил её.

Но он понял, что думать об этом было бесполезно. Сохэй, который пытался сконцентрироваться на уроке и включил свой мозг, открыл пометки в своём учебнике и достал острый карандаш из нарезанного пенала.

После школы Сохэй пошёл в северную надворную постройку школы. Он планировал остановиться и заскочить в круглосуточный магазин, взять книгу в библиотеке, а затем пойти в то место, где была Отелло. Когда он подумал об этом и попытался покинуть аудиторию, голос школьницы по имени Мидзугути, что была из его класса окликнула его.

Эта школьница, которая сидит прямо за Сохэем, и в свободное время она всегда делает аксессуары из бисера. Вроде бы, она состоит в клубе рукоделия.

— Мистер Касивадзаки позвал тебя, — коротко объяснила она Сохэю, а затем ушла.

Касивадзаки — преподаватель средних лет, отвечающий за естественные науки. В любом случае, похоже, ему нужна помощь в подготовке к эксперименту на следующей неделе. Сохэй мог с уверенностью сказать, что он помнил про еженедельное дежурство на следующей неделе. Но он хочет, чтобы я зашёл сейчас... насколько большой он планирует провести эксперимент?

В этой школе есть так называемая система подготовки кадровых лиц в каждом классе. Они распределяют хоз. работу за пределами классной комнаты, а кто-то другой несёт ответственность за дежурство за каждую неделю.

Это может показаться пыткой, когда вам приказывают что-то сделать, но по сравнению с тем, чтобы быть членом исполнительного комитета для таких мероприятий, как культурный и спортивный фестивали, или для повседневной деятельности, такой как комитеты по вопросам здравоохранения и библиотеке, Сохэй предпочёл делать это, так что он не выступал против этого.

Первый этаж, на котором размещались специальные учебные классы, ощущался как-то не по себе наряду с жуткой непогодой и отсутствием в этом месте людей. Сохэй постучал в дверь кабинета по подготовке к естественным наукам, но ответа не услышал. По словам Мидзугути, Касивадзаки должен ждать здесь. Дверь не была заперта.

Подготовительный кабинет был не очень большой. Он вошел в кабинет, а Хидзири Аота, сидевший на подоконнике, немедленно встретился с Сохэем глазами.

— А, Хидзири...?

Сохэй увидел, что он также удивился. Его лицо выглядело растерянным.

— Эм? Почему ты здесь?

— ... Потому что я дежурный на этой неделе. Ну а ты?

В закрытом кабинете, когда они встретились лицом к лицу, здешняя атмосфера, казалось, отличалась от обычной.

Хидзири выглядел так, будто ему не хотелось говорить и продолжал молчать, но кратко ответил спустя мгновение.

— ... Встреча по поводу школьной экскурсии.

— ... Ох, так ты ответственный. Ваша встреча здесь?

Хидзири — один из членов экскурсионного комитета. У многих учеников есть более важные мероприятия в старшей школе, так что они, вероятно, подумали, что могут оставить это самому популярному ученику в классе.

— За поездку отвечает Касивадзаки.

Сохэй нервно спросил: «... А почему ты один?», ведь в школьном комитете по путешествиям есть ещё одна девушка.

— ... Я не против, если на сегодняшней встрече побуду я один. Да и вообще, перестань спрашивать о каждой мелочи. Заткнись уже и подожди.

Затем они оба закрыли свои рты. Сохэй присел на пустой стул.

Какой странный сюжет, — подумал Сохэй. Касивадзаки планировал провести встречу с экскурсионным комитетом и в это же самое время провести подготовку к эксперименту для 11 класса-5. У него должно быть довольно плотный график.

Глядя в окно позади Хидзири, пейзаж был сражён ударами дождя. Никаких признаков его остановки не было видно. Дождь шёл, как волны, очень часто хлопая по ветру. Каждая капля жёстко била по окну. Единственными звуками в кабинете были звуки дождя и музыкального отдела, играющего музыку где-то вдалеке.

Пока молчание продолжалось, стрелки на наручных часах Хидзири тикали «тик-так». Медленно. И если уж Касивадзаки опаздывает, то член комитета из другого класса вообще не появится. В тихой и слабо освещённой комнате эта ситуация походила на пещеру в горах, как будто они были в ожидании своего спасения.

И когда стремительный дождь на улице стал ещё сильнее, Хидзири открыл рот: «Ты же получил фотографии Харуки, да?».

— А... Да. Я получил.

Это было всего несколько дней назад.

— Хм-м, — сказав лишь это Хидзири снова умолк. Он не понимал стоящую за этим причину, но Сохэй не стал спрашивать.

Но даже в этом случае, как давно Хидзири и я разговаривали друг с другом?

После этого прошло ещё около 20 минут. Ландшафт снаружи потемнел.

Он сообразил, что может попытаться использовать это время для себя. В настоящее время для него всё складывалось так из-за его ссоры с Хидзири, из-за того, что произошло — если точнее, ненависть от Хидзири была односторонней, остальные его одноклассники, вероятно, просто прицепились к этому отношению. Вне зависимости от того, что Хидзири делал или не делал до сих пор, Сохэй, в любом случае, оставался для него мишенью, на которую он мог бы излить свой стресс. Но он не был уверен, что это изменится, даже если его отношения с Хидзири восстановятся. Он не был уверен, что он в конечном итоге испытает ещё большую боль.

Хидзири снова заговорил: «И много она тебе дала?».

— ... Эм-м... — неожиданность удивила Сохэя. — Думаю, около тринадцати.

— ... Короче, она сказала, что отдала их тебе.

Хидзири говорил о Харуке. Но что-то в этих словах звучало порядком неприятно для Сохэя.

— Она сказала, что она на самом деле не хотела отдавать тебе эти фотографии двухлетней давности. Потому что Харука сказала мне, что она думает, что ты ошибаешься, — Хидзири заговорил так, будто он снова вёл монолог. Это был отчасти лаконичный способ разговора. Сохэй ощутил поблёскивающий знак опасности, как если бы Хидзири держал нож у себя за спиной.

— ...Что ты имеешь в виду? — Сохэй не мог больше сдерживаться и спросил. Он уже чувствовал дискомфорт, как будто его сердце обдирали наждачной бумагой.

— Я велел тебе заткнуться...

В тот момент Сохэй знал, что не хочет, чтобы эти лампочки погасли.

Ничего страшного, если я этого не слышу. Я должен закрыть рот Хидзири любыми возможными способами, — подумал он инстинктивно.

— ... Мы встречаемся.

Вот что сказал Хидзири.

Было так тихо, что его ушам было больно.

Дождь, который он видел за окном, по-прежнему был сильным, и казалось, что он будет продолжаться вечно. Тем не менее, он не мог слышать звук дождя. Сохэй ничего не мог слышать. Слова Хидзири всё снова и снова вертелись в его голове.

Должно быть, я его не расслышал. «Невозможно» — что-то такое шептал Сохэй. Но до сих пор Харука была на моей стороне. Мы обещали вместе позаниматься учёбой в библиотеке.

... Но на этом всё.

— Полагаю, ты ещё не знал, — сказал Хидзири. — Можешь сам спросить Харуку.

Сохэй ощутил громадное плавающее чувство, тонущее в его животе. Без какой-либо энергии его голос перешёл на шёпот.

— Удивлён? — спросил Хидзири.

— Да. — Сохэй безропотно согласился.

Сила ускользнула из его тела. Естественно, он даже не мог притворяться, что сохранял спокойствие за фальшивой улыбкой. Его сердце и лёгкие просто двигались по собственному желанию, он превратился в безмолвную куклу.

— Ладно, не хмурься так из-за этого, — когда Хидзири сказал это он покинул подготовительный кабинет: «Я домой. Было весело подождать.

— Почему Харука...

Ноги Хидзири остановились за дверью: «Что?».

— Почему Харука... беспокоится о ком-то вроде меня? Она всегда беспокоилась за меня...

Настала долгая пауза. После этого Хидзири нарочно заговорил ехидным тоном.

— Сочувствие.

Голова Сохэя внезапно стала горячее. Он понял, что его руки сжались в кулаки. Но это было бесполезно. «У меня нет права злиться» — Сохэй держал это в себе. Когда он думал о том, как Хидзири общался с ним, он не мог выразить это словами, это было оскорбление или гонение? С другой стороны, сказанное им, вероятно, было правдой. После того, как трое из них перестали быть в хороших отношениях в средней школе, он был единственным, кто чувствовал себя брошенным. Харука, вероятно, заботилась о нём только из-за этого. Это было не более, чем сочувствие.

Гнев, что я испытываю к Хидзири, неоправдан. Я должен терпеть это.

Как давно это уже длилось? Внезапно он понял, что Хидзири уже нет. Дождь ослаб, хоть и немного.

Я домой, — подумал он. Но в то же время, когда он встал, дверь в кабинет открылась.

Преподаватель естественных наук Касивадзаки вздрогнул, увидев Сохэя в кабинете, который должен пустовать: «Что ты здесь делаешь? Это место под запретом, и вход только по допуску».

У него был хорошо знакомый угрюмый взгляд.

— Я знаю. — сказал в ответ Сохэй.

Четвёртый урок на следующий день был научным уроком. По словам другой учительницы, которая пришла только в начале урока, учительница современного японского языка среднего возраста прихватила несезонную простуду. Как и большинство ребят, 11 класс 5 был приятно удивлён узнав про это.

— Ведите себя тихо, договорились? — сказал молодой учитель, когда он уходил, но это была тщетная просьба. Обе классные аудитории 11 классов: 4 и 6 пустовали, так как они вместе занимались в тренажёрном зале. И хотя было всё ещё довольно шумно, даже если бы вы прогуливались по коридору, никто не заявился к ним, как будто весенние каникулы наступили преждевременно.

Школьники начали вести себя так, как им хотелось. За партами были ребята, которые собирались в кучку, чтобы поразговаривать, ребята, которые начали доставать свои бэнто, ребята, которые начали покупать обед пораньше, ребята, которые прилежно зубрили, ребята, которые плюхались и дрыхли на своих партах, и было много таких ребят, которые подоставали откуда-то шоколадки и начали их есть.

Но среди них не было Маки Тамагавы. Опаздывала она или прогуливала, в настоящее время никто не знал. Наверное, можно сказать, что один только бог знает.

Несмотря на то что прошлой ночью Сохэй почти не спал, он странным образом не испытывал сонливости. Глянув вперёд, он увидел, как Хидзири развлекается играми в карты с отдельными ребятами. И вот тут, Сохэй сказал самому себе перестать смотреть. Не обращай на него внимания. Он не мог восстановить его отношения с Хидзири, а вообще, Сохэю больше этого и не хотелось.

Когда Сохэй попытался вытащить из сумки книгу в мягкой обложке, он немного подвинул стул, и за его спиной раздался голос: «Ой».

Это была Мидзугути из клуба рукоделия. Под партой, что-то похожее на аксессуар из шариков, над которым она ещё работала, рассыпался в разные стороны, как сверкающие крупинки песка. Выглядело так, будто что-то неудобное случилось с вибрациями от того, когда Сохэй сдвинул свой стул.

— Ой, прости... — Сохэй посмотрел под парту, потом на Мидзугути.

Она мельком взглянула на Сохэя и сказала: «Нет, всё в нормально», а затем снова перевела

взгляд к кончикам своих пальцев.

То, что мастерила Мидзугути выглядело как ожерелье, но даже с учётом того, что его покрывали украшения и оно было элегантным, оно выглядело как рождественский венок. Это было эпично.

Сохэй открыл книгу в мягкой обложке, которую он читал, и попытался погрузиться в мир романа. Это был приключенческий роман, написанный американским автором. История, где главным действующим лицом является снайпер, отстранённый от службы в морской пехоте, пока он по ходу дела выполняет различные снайперские задания, он оказывается втянут в преступный заговор тайной организацией. Обычно с такой лёгкой для понимания историей, как эта, он мог плавно войти в этот мир, как если бы он утонул в ванне, но сегодня у него это не получалось. Неважно как или сколько раз он перечитывал страницу, на которой он находился, буквы были просто буквами, и у него не получалось вообразить это в своей голове. Это был первый раз, когда происходило подобное.

До Сохэя дошло, что он был раздражён. Но это было не из-за книги. А в таком случае, это было из-за...

— Тамагава-сан! — прозвучал звонкий голос.

Он поднял голову, Маки Тамагава только-только вошла через входную дверь.

— Всем, у-у-утречка! — он увидел, как она машет рукам при лёгком шаге. Она поставила сумку на парту возле окна.

Сохэй глубоко вздохнул и попытался вернуться к чтению. Изменить внутри него скорость вращения шестерёнок было трудной задачей. И каким-нибудь да образом он должен был осуществить этот переходный процесс. Но Маки Тамагава не позволила ему.

— Э-ге-гей, Сохэй. Поболтай со мной!

Сохэй пытался игнорировать её, но так как она была слишком назойлива, ему пришлось ответить.

— ... Ну чего?

Когда Маки Тамагава поднесла руку ко рту, словно рассказывая ему секретную историю, она приблизила своё лицо к Сохэю.

— Как прошёл вчерашний день? Нашёл общий язык с Хидзирин?

Сохэй бегло взглянул, подняв голову.

— Тебе известно про Хидзири?

— Ну конечно, Сохэй всегда смотрит на Хидзирина. Маки-тян заметила.

Он медленно закрыл книгу в мягкой обложке и попытался переварить её слова у себя голове ещё раз.

— ... Ты подглядывала за мной?

— Агась, — сказала Маки Тамагава выражая довольную улыбку. — Ты приглядывался к Хидзирина, потому что хотел быть его другом, я права?

— Что за чушь ты вообще несёшь? Вчера...

— Поэ-э-этому, я свела Хидзирина и Сохэя вместе. Как всё прошло? Желание Сохэя сбылось?

Его голова практически затормозила, но он сразу начал понимать. Понятно, так вот что она имела в виду. Должно быть, это всё было её замыслом. Сохэй дважды медленно кивнул.

— Оно сбылось? Сбылось, так ведь?

Он заметил, что улыбка Маки-чан ещё больше приблизилась к полному расцвету.

— ... Оно не сбылось.

Хотя его голос был тихим, он говорил сильным, колким тоном. Маки-чан скорчила гримасу, как ребёнок, игрушку которого отобрали.

— ... Сохэй?

— Моё желание? Не этого я хотел. Будь у меня желание, оно было бы таким: убирайся.

Он не собирался отказываться от своих слов. Сохэй, который закончил говорить, свирепо посмотрел на девушку.

Поникшая духом Маки Тамагава вышла из класса. Сохэй снова открыл свою книгу — даже не глядя на неё — и в этот раз попытался сосредоточиться на чтении. Тем не менее...

— Эй, Сима.

Сохэй услышал знакомый голос и приподнял голову. Хидзири стоял перед его глазами. Он и класс смотрели на него так, будто он был живоде́ром.

— ...Что?

— Что ты только что сказал Тамагаве-сан? — спросил Хидзири.

Оглядевшись по сторонам, глаза со всего класса впились в Сохэя. Все они были наполнены враждебностью, настолько сильной, что они были похожи скорее на гнездо шершней. Хидзири предстал от их лица, он казался прямо-таки героем, противостоящий раковой опухоли класса.

— Я не слышал о чём именно вы говорили, но что ты сказал? Я впервые вижу Тамагаву-сан с таким грустным взглядом.

— ... И что?

— Не «ичтокай?» мне тут. Ты не мог бы всерьёз подправить такое поведение? Я уже говорил тебе. Будь добрее, когда ты рядом с Тамагавой-сан.

От слов Хидзири, Сохэй стал горячим, как железо, от всего его желудка до самой макушки. Его терпение кончилось. Это было сродни тёмной, грязной материи, скопившейся внутри его недр, за раз перелившуюся через самый край.

Сохэй встал и открыл рот: «Раз уж все злятся, когда я и Тамагава-сан говорим, я стараюсь говорить, как можно тише, но я так полагаю есть что-то ещё, что сейчас я делаю не так?».

— Думай, перед тем как говорить. Девушкам не захочется говорить с тобой с таким-то подходом, — сказал Хидзири. Его тон был таким, как будто эти 8 букв вместе представляли собой бремя.

— Слушай, может перестанешь вмешиваться в дела, которые тебя не касаются? И вообще, у меня нет времени разубеждать тебя.

— У тебя нет времени? — насмешливо сказал Хидзири. — Вот поэтому-то ты и безнаде́жен. Если у тебя ни на кого никогда не будет времени, у тебя никогда не будет друзей... ты не завёл себе ни одного друга с того самого дня.

Мышцы на его лице дёрнулись. Когда Сохэй услышал слова Хидзири, он прекрасно для себя понял, что достиг той точки, из которой он больше не сможет вернуться. Хидзири Аота, что стоял перед его глазами, не был его другом детства. Он был недругом.

— У меня нет друзей? Тебе я посмотрю нравится решать всё самому.

— Не тупи, — Хидзири покачал головой. — Я знаю о тебе всё самое важное. В этом кабинете? Тут никого нет. Ты всегда будешь один.

Сохэй выкрикнул: «А у самого-то?».

Хидзири шибко кивнул.

— Конечно, они у меня есть. Как по мне, все в 11 классе-5 мои друзья. Не считая тебя.

— Хех, — Сохэй тоже улыбнулся. В его улыбке не было приятного оттенка, но зато он вынужденно приподнял уголки рта. — А разве ты не сговорился с этими твоими дружбанами поиздеваться надо мной? Тебе не кажется, что такая дружба грязная?

Лицо Хидзири покраснело.

Он сказал это. Сохэй тайно злорадствовал в глубине души. Он чувствовал, что какой-то процент его накопившегося гнева выплеснулся наружу. Хидзири строил из себя праведника. Сохэй воспользовался этим сыграв себе на руку, и оказал сопротивление вот этим заявлением. И вот когда он так подумал.

Бух. От его носа разошёлся удар, лицо Сохэя было отброшено назад.

... Он ударил меня!

К тому времени когда он понял это, приближался второй удар. Но левая рука Хидзири только рассекла воздух. Его сильный взмах нарушил его равновесие и уволок Сохэя вниз, так что эти двое вместе упали на пол.

Крики раздались со всех сторон. Но они звучали приглушённо, словно их разделяло стекло.

— Мудила!

Вскипевший Хидзири попытался придушить его, но Сохэй не дал ему. Вместо этого он закинул свою руку на плечо Хидзири, изо всех сил пытаясь оттащить его. Во время драки Сохэй получил по своему лицу и животу несколько близких ударов. Но в отместку Сохэй ударил по некоторыми местам по туловищу Хидзири, крепко сжатыми кулаками и коленями.

Но, похоже, это продлилось всего несколько десятков секунд.

Их разняли несколько школьников и школьниц, по местам где они могли угомониться.

Сохэй посмотрел на потрёпанное тело Хидзири. Часть его белой рубашки в области плеча была слегка порвана, а левый глаз слегка опух.

Сохэй также был ранен более чем достаточно. И хотя он не знал конкретных мест, не вызывало никаких сомнений, что из его носа текло много крови. Из-за того, что её было слишком уж много, было непонятно, текла ли она из его левой или правой ноздри. Кроме того, рассудив по творящемуся вокруг нему шуму, он наконец заметил: на его левой руке, кровь вытекла откуда-то из локтя. Красная кровь стекла по его руке и капала с кончиков пальцев. И даже при таком обильном кровотечении, это не вызывало боли.

Сохэй посмотрел вниз на пространство между ним и Хидзири. На месте происшествия валялись парта и стул; раскинутые и лежавшие всё так же неподвижно упавшие навзничь, создавалось впечатление, что кто-то из них волей-неволей оказался втянут туда. Но когда он посмотрел вниз, он увидел, что что-то ещё, похожее на крупинки песка, было разбросано по всему полу.

— Ах! — вскрикнула одна девчонка и указала: — Это же Мидзугути!

— Мидзугути...?

— Какой ужас...

— Разве она не говорила, что ещё работает над ним?

— Она хотела подарить его маме на день её рождения...

На том месте, где подрались Сохэй и Хидзири, было ожерелье, над которым ранее работала Мидзугути. Но кто угодно мог сказать, что оно сломано. То ли это была капроновая нить или струна, Сохэю не было знакомо название, но нить, через которую надевались бусинки, была порвана прямо посередине, и украшения тоже попадали.

Мидзугути вышла вперёд. Она согнула колени и в тихо подняла осколки с пола... в этот момент Сохэй увидел это. Одна-единственная капелька крови капала с ожерелья и упала на пол. Мидзугути заметила это, и её тело отпрянуло в шоке.

Сохэй почувствовал на себе прямой взгляд, поднял голову и встретился взглядом с Хидзири. Выражение его лица оставалось почти не изменившимся, и он глядел на него с усмешкой. Затем он открыл рот.

— Проси прощения у Мидзугути. Это твоя кровь.

Сохэй потерял дар речи. Да что ж ты такой высокомерный, это же было не специально, — пытался он сказать, но был сдержан соседними голосами.

— Кровь? Что? О чём ты? — сказала девушка.

— Присмотрись внимательнее. Всё ожерелье Мидзугути в крови Симы, — сказал Хидзири. Именно так оно и было. На полу классной комнаты начинала стекаться лужица, такая же большая, как если б занимала четвертую часть, и в том месте валялось ожерелье.

«Ого, серьёзно?», «Э-э, это очень плохо...», «Это немного отвратительно, в крови какого-то человека», «Мидзугути, ты в порядке?».

Толпа шевелила ртами, как им того желалось. Атмосфера казалась ещё более обостряющейся, Сохэй огляделся вокруг себя. Никто не собирался встретиться с ним глазами, до него дошло, что их враждебность была всецело направлена против него.

... Секундочку. Погодите-ка.

— Эй, Сима, это твоя вина, — наконец сказал Хидзири.

Сохэй поспешно открыл рот.

— Хидзири, это ведь ты ударил меня первым!

Удивительно, но Хидзири не возразил. Как будто он дожидался слов Сохэя, он решительно кивнул.

— Я виноват. Мидзугути, ребята, простите что удивил вас... У нас с Симой было небольшое разногласие. Мы оба виновны за то, что подрались друг с другом, я признаю свою вину.

Хотя он уже успокоился, Хидзири всё же глубоко вздохнул, и вот что он сказал.

Сохэй не мог закрыть свой открытый рот. Мне конец! По царившему вокруг него настроению Сохэй пришёл к выводу, что потерпел поражение в этой драке с Хидзири.

Все его одноклассники сохраняли молчание, наверное, они ждали его речь с извинениями. Хидзирин извинился, так что ты тоже извинись, — вот что они, очевидно, думали.

Сохэй подошёл к присевшей Мидзугути.

— Мидзугути-сан, мне правда очень жаль...

Он поклонился. Он знал, что он был тем, кто запачкал её ожерелье своей кровью. Сохэй устоял прямо вниз, а Мидзугути, не говоря ни слова, робко опустила лицо, а затем всхлипнула.

Она плакала. Прямо так, как если бы её разбитое ожерелье подняли на свалке, она подобрала его пальцами.

Слезящиеся глаза Мидзугути медленно повернулись к Сохэю. Сохэй попытался извиниться ещё раз, но тонкие губы девушки быстро зашевелились.

— Просто... исчезни.

После этого, другая девушка вывела Мидзугути из класса. Одноклассники посоветовали Хидзири пойти в школьный медпункт, но он отказался.

— Эт ерунда, со мной всё будет в порядке. Что важнее, Сима, тебе лучше уйти. Твоё кровотечение до сих пор не остановилось.

Казалось, каждый смотрел на Хидзири восхищёнными глазами, словно он был героем справедливости. Сохэй молча пошёл в школьный медпункт.

Школьная медсестра средних лет показала удивление при виде лица Сохэя и спрашивала, что стряслось пока накладывала бинты. Но он не знал, как ответить. Он вымыл голову в раковине медпункта, и вытер кровотечение из носа, которое теперь напоминало сухую грязь.

Он улыбнулся, когда увидел своё отражение в зеркале — он выглядел в точности как рестлер.

Желая вернуться домой пораньше, он ушёл из школы до окончания обеденного перерыва.

— Я дома.

Он открыл дверь в свой дом и был поприветствован звуком нажатия по клавиатуре. Поскольку звук был громче, чем обычно, он подумал, что его тётя чувствовала себя сегодня на взводе. Как правило, её настроение выражается через её печатание.

Словно призрак, Сохэй прошёл мимо и пошёл к своей спальне.

Наконец он заметил, что стоит в своей комнате, но воспоминания о пути до дома были расплывчатыми. Как я шёл, пока добирался сюда? Я иду быстрее, пока думаю? А может, я ни о чём не думал, не уверен. И затем, аналогично его голове, его сердце опустело.

Ничего не идёт хорошо. Без всякой занятости, Сохэй лёг под свой футон на бочок, и острая сонливость настигла его, словно лавина.

Задумавшись об этом, прошлой ночью он едва спал. Но если он закроет глаза сейчас, время перепрыгнет вперёд, и тогда, вероятно, наступит время проснуться и снова пойти в школу. Если бы он мог, он никогда не хотел возвращаться туда снова. Изначально он должен использовать это время чтобы готовиться к экзаменам, но делать что-то подобное в такое время было бы...

Когда он открыл глаза, комната была полностью погружена в темноте. Часы показывали 8 вечера. Он проспал более шести часов.

Нет, прямо сейчас он не был уверен, должен ли он быть рад, что проспал за шесть часов. В любом случае, он был просто рад, что это не было утро, Сохэй потер глаза.

Он открыл раздвижную дверь, а его тётя сидела за столом перед ним.

— Ты проснулся, — сказала его тётя. Она обернулась и вздрогнула, а потом посмотрела на лицо Сохэя. — Что с твоим лицом?

Чёрт, — подумал он, и Сохэй ощупал своё лицо.

— Как бы, я поранился на своём велике...

— Как? — его тётя насупилась и подошла к нему.

— Врезался в кого-то, — подправил себя Сохэй надоевшим тоном.

— Сильно досталось?

Глаза его тёти смотрели в направлении левого локтя Сохэя. Сохэй схватился за него: «Ничего серьезного» и покачал головой. У него правда не было каких-то серьёзных травм.

— Ты ходил в больницу?

— Я зашёл в школьный медпункт, и они сказали, что всё в нормально. Я цел, правда, — Сохэй насильно попытался подвести разговор к концу.

— На что ты так злишься? — спросила его тётя.

— Я не злюсь. Ничего не случилось.

— ... Пожалуйста, просто скажи мне, откуда у тебя эти травмы.

— Я уже сказал тебе! Я просто упал с велосипеда.

— Ты же злишься, разве нет?

Внезапно его лицо стало горячим.

— Я не злюсь!!

Тело его тётки подскочило от громкого крика Сохэя. Когда он ощутил это лёгкое изменение, Сохэй запаниковал. Он чувствовал ужасное чувство вины. Кухня была наполнена безмолвием, сродни глубокому морю. Лишь звуки часов, отсчитывающих время, были слышны в этой комнате дома.

... Почему я такой беспомощный?!

Какова бы ни была причина, у меня нет никаких причин кричать на мою тётю. Я ненавижу себя за это, — подумал он.

Сохэй не мог вынести тишину и проскочил через кухню. Он натянул свои изношенные кроссовки на ноги в прихожей.

— П-погоди! Куда ты собрался на ночь глядя?!

Голос его тётки донёсся до его спины, но он не обернулся. Сохэй вышел из квартиры. Конечно, солнце за окном уже упало и наступила полная темнота. Муниципальный сектор засыпает рано.

Конечно, он может убежать, но ему некуда было идти. У Сохэя не было друзей, у которых он мог бы остаться. И вот прогуливаясь там, где ему только вздумалось, он осознал, что он пришёл к месту недалеко от станции.

Со станции уходило много машин и толп людей, вокруг было полно уличных фонарей и разнообразных звуков. Сарариманы идут домой, и компании, что похожи на студентов колледжа, но они также могут быть и старшекласниками.

Они передвигали своими ногами быстро и в единообразии. У них, вероятно, есть пункт назначения. У меня же нет. Так что «я» думал, что он определённо не мог относить себя к их числу.

— Сохэй?

Он рефлекторно обернулся и там стояла Харука. Она была в форме. Сохэй сильно удивился.

— Чт, что ты здесь делаешь?

— Это моя фраза... хах? — улыбка Харуки сменилась на удивление. — Какого?! Что с твоим лицом?

Всё кончилось тем, что я увидел ещё одного человека, которого я не хотел видеть. Если бы она узнала, что за человек нанёс эти самые травмы, можно было не сомневаться, что её сразит горе. А мне бы никогда не хотелось увидеть такое.

— Я врезался на моём велосипеде в кое-кого...

— На велосипеде? Ты в порядке? На твоей руке бинты...

— Я в порядке. Абсолютно, никаких проблем.

Сохэй заставил себя улыбнуться. Но Харука сделала лицо, как будто она собиралась расплакаться, словно это она была той, кто была ранена.

— Смотрится очень болезненно.

Когда она сказала это, она протянула руку. Хотя рука Харуки была готова вот-вот прикоснуться к его лицу, Сохэй взял её за руку.

— Я же сказал тебе, всё в порядке. Они заживут, если их не трогать.

— ...Ты уверен?

— Ага.

Сохэй всё ещё держал Харуку за руку. Её рука была приятно холодной; её пальцы были тонкими и гладкими, как фарфор. Он хотел обнять её навсегда, если бы мог, но Сохэй дал уйти её руке.

— Прости. Они выглядят так, будто побаливают. Будет не хорошо, если я коснусь их, — Харука отёрнула руку и неловко улыбнулась. — Кстати, что ты здесь делаешь в такой час?

— Я иду... в книжный магазин. А ты что здесь делаешь, Харука?

— Я шла в класс муниципальной подготовительной школы.

— ... Ты посещаешь подготовительную школу?

— Ну да. А это странно?

Сохэй покачал головой: «Это не странно. Значит ли это, что с этого момента ты собиралась пройтись?».

— Я сомневалась, что делать, но пробежавшись по сегодняшнему уроку я решила сходить. Я собираюсь идти.

— Понятно.

Ну да ладно, — подумал он. Ему и Харуке не нужно будет вместе наведываться в библиотеку.

Он спросил Харуку почему та идёт домой отсюда и дальше одна.

— Разве это не опасно? — сказал Сохэй.

Прямо сейчас приблизительно девять часов. Когда вокруг города Хатиодзи горят огни, непохоже, чтобы с этим местом было много проблем, но в переулках по обе стороны дороги выстроились пассажи, магазины патинко и другие подозрительные магазины под карнизами, и было ясно как божий день, что тут нет столь высокого уровня безопасности. Кроме того, в определённое время в этом микрорайоне крутилась какая-то шумиха про растлителей малолетних.

— Не беспокойся. Я прожила в этом городе с детства. Слушай, а ты завтра свободен?

— Завтра? Да, я буду свободен... после школы.

— Замечательно. Тогда снова встретимся в привычном месте. Мне бы хотелось сходить позаниматься в библиотеке.

— М? Но... — Сохэй автоматически повысил голос. А ничего что мы двое встретимся, — эти слова не вышли из его горла.

— А почему нет?

— Ну, это... а как же Хидзири...

— Хидзири? Что?

Харука повернула голову в сторону.

— ...А, нет, извини... Ничего, — поспешно покачал головой Сохэй.

— Ты какой-то странный.

И на этой ноте Харука удалилась. Хоть она и сказала, что они могут пойти домой вместе — ибо до середины пути у них обоих одинаковая обратная дорога — Сохэй отказался по уместной (выдуманной) причине. Когда он снова и снова твердил ей пойти по более освещённой дорожке, Харука сдалась со словами: «Понятно».

... Спасибо тебе.

Сохэй хотел выразить свою благодарность. В конце концов он не смог спросить о её отношениях с Хидзири, но спрашивать об этом было бессмысленно. Да и к тому же, даже если они пара, она не исключала оставшегося-за-бортом-Сохэя. Приглашать его поучиться вместе не было ложью. Итак, до него наконец-то кое-что дошло. И это кое-что заполонило его голову. Он должен был додуматься раньше.

... Всё было бы лучше, если бы меня не было.

Когда Сохэй осознал этот факт, он почувствовал приступ тошноты от собственного безрассудства до сего момента. Харука беспокоилась за него, только из-за что он её друг детства. Его тётушка покинула компанию, чтобы воспитать его, но даже сейчас это по-прежнему было безнадёжно. Плоды труда Мидзугути, которые пропали впустую, ухудшающаяся атмосфера в классе и становление жертвой травли, не будь его там — ничего бы не случилось.

... Именно. Я — причина появления всего этого.

Прямо вниз к северу от станции дорога сходилась с рекой. Сравнительно большая река класса А. Сохэй, блуждающий без цели, пришёл в себя, когда подошёл к мосту над рекой. Поскольку городские огни не доходили до моста, она была чёрной что хоть глаз выколи, и он просто слушал, как вода раскачивается туда-сюда. Но мост был довольно далеко от наружной поверхности реки, любой, кто проходит мимо, мог это сказать.

Слова «исчезни» от Мидзугути эхом отозвались в голове Сохэя. Они превратились в одну-единственную каплю, их широкая рябь достигла глубокого места в теле Сохэя. Именно. Я должен исчезнуть. Жгучее сердце Сохэя казалось уравновешенным и шелковистым.

Если бы я спрыгнул отсюда, интересно, будет ли так легче для всех, — когда он так подумал, он упал к его ноге. В свете уличного фонаря он блестяще отражался.

Глаза Сохэя расширились, когда он увидел предмет.

Почему эта вещь здесь? Это был куб, который он видел в святыне некоторое время назад. Он попытался поднять его, он выглядел таким же прямо, как и тогда, когда он нашёл его в святыне. В этом не было логики.

— У тебя есть желание?

— ... Что?

Этот голос... Это было голос Маки Тамагавы.

Где ты? Но он был единственным на верху моста. Единственным другим звуком были машины, которые приезжали и уносились по двухполосной дороге. Тем не менее, голос говорил так же, как и тогда.

— Ты наконец решил.

— ... Что? Маки-чан, ты где?

— Здесь.

— Где? — что, ради всего святого, ты подразумеваешь под «желанием»?

— Я здесь.

— ... Где?

Сохэй опустил взгляд на куб в своей руке. Было немного жарко. Подобно теплу маленького животного... он мало-помалу возрастал... становился всё горячее... а потом...

— О-о, горячо!

Он обжёг горячее, чем он себе представлял, Сохэй не выдержал и встряхнул руку.

— ... Ах, а-а!

Куб, который выпал из его руки, перелетел через забор и в мгновение ока упал под мост. Он сразу же смешался с темнотой, и он даже не услышал звук его приземления. Когда Сохэй посмотрел на темноту, что была под низом, он был потрясён.

... Что только что произошло?

... Что это был за голос? Слуховая галлюцинация?

Какое-то время он продолжал прислушиваться к звуку спокойно текущей реки.

В этой невозможной для понимания ситуации его чувства полностью зачихли. Сохэй вернулся обратно к передней части станции. В толпе присутствовало немного меньше людей, чем раньше.

Ему поплохело, когда он подумал о своей тёте, но Сохэй пошёл обратной дорогой до дома. Однако...

— Воу!

Он столкнулся с крупным человеком перед собой.

— И-извините! — поспешно сказал Сохэй. — Я не смотрел куда иду.

— А, чего?

Это был мужчина лет тридцати, носивший повседневную одежду. Он помпезно похлопал свою грудь обеими руками. Рядом с ним была женщина, которая выглядела гораздо моложе него, вот только на ней был толстый слой макияжа.

— Правда, извините.

Сохэй был немного обижен на жест этого мужчины, как будто он вытер грязь.

— Это что, был кошак? Или ворона? — сказал мужчина. — У меня конечно не всё хорошо со зрением, но почудилось, что что-то правда близко подошло ко мне.

— Извините? — сказал Сохэй.

— Да нет. Тебя что-то ударило? Я вот тоже не видела. — скорчила гримасу девушка.

— Эм-м-м... — Сохэй застенчиво повысил голос обратившись к паре.

Крупный мужчина, как обычно, не удосужился прислушаться, он приподнял футболку, в которую воткнувшись носом врезался Сохэй, и поднёс её к своему носу. Он, судя по всему, стал обнюхивать её.

— Даже не знаю. Походу пропотел, да?

— Только если ты. Ладно. Пошли.

Когда эти двое резко ушли на своих двоих, Сохэй быстро встал на дрогу.

— Аэ, извините...

Он был вежлив, но он старался говорить достаточно громко, чтобы его наверняка можно было услышать. Но не обращая никакого внимания этот мужчина не обернулся. Вот же-шь грубияны, — подумал он.

Им ведь незачем игнорировать меня.

Но затем, ещё один человек врезался сзади в Сохэя.

— Уа-а-а! — Сохэй потерял равновесие и грохнулся на землю.

— Ай... —позади него раздался голос. — Уф, какого?

Когда он поднял глаза, на этом месте стояла офисная работница. Пока она беспокойно оглядывалась у своих ног, она погладила свою левую ногу рукой. Он думал, что это был похожий жест, на тот, что был раньше.

— И что это было? — когда женщина заговорила, она протянула руку к подсвечиваемой барной вывеске рядом с ней, на которой было написано большими буквами «все товары за 200 иен». — Уф-ф! — бац, она пнула его. Вывеска породила громкий шум и затряслась. Каблуки офисной леди зазвучали цок, цок когда она прошла мимо Сохэя, всё ещё сидевшего на земле.

Сохэй одеревенел на месте и подумал. Что-то не так, вот прямо сейчас творится что-то неладное... и я единственный, кто не заметил что именно. Не в состоянии осмыслить ситуацию, всё что у него было: лишь чувство нервозности, как будто акула-людоед дожидалась его под водой.

Он осторожно встал и бегло посмотрел на мост, там был бар с витражным окном. Это было

обычное старое тёмное стекло, но из-за его градации тона было трудно разглядеть внутреннюю сторону, в результате чего, когда вы смотрели на него снаружи, оно выполняло роль зеркала.

Он попытался взглянуть на него как бы мимоходом, но его инстинкт, возможно, в самом деле кричал, чтобы он внимательно присмотрелся к нему. Когда он, наконец, осознал аномалию в мире, отражённом на стекле, Сохэй окаменел.

... Я схожу с ума?

Когда он отвёл взгляд от витражного окна, Сохэй обернулся за себя. Группа парней и девочек, которые, казалось, были студентами колледжа, шли по другую сторону дороги. Они были шумными и, скорее всего, пьяными. Сохэй отложил своё беспокойство и внимательно наблюдал за ними. И затем, как только они подошли к нему сзади, Сохэй снова обратил свой взор в сторону окна.

Они отражались в нём. Как и должно быть. Зеркало отражало мир, как и положено в любой другой момент времени. Потому что инверсия и проецирование того, что есть, играет свою роль. 4 парня, 5 девушек: ошибки быть не может. Это витражное окно было нормальным.

... Тогда почему моё тело не отражается!

Сохэй стукнул кулаком по окну. По какой-то причине витражное окно не отражало его тело. Единственное, что отражалось на нём: студенты позади него и улицы. Он никогда раньше не слышал и не видел подобный феномен. Он сдался перед этой оптической иллюзией, которая, казалось, напрягала его мозг.

Сохэй смело выпрыгнул перед мужчиной, идущим неподалёку. У него были седые волосы, и он носил очки, тусоватый на вид пожилой сарариман.

— Пожалуйста стойте! Ст-стойте... Пожалуйста, стойте!

Он быстро отошёл от него, дабы избежать третьего столкновения. Мужчина ушёл, не меняя заданный темп. Сохэй почувствовал себя приближающимся к грани отчаяния. Ага, нет никаких сомнений по этому поводу — другие люди не могут видеть моё тело... Нет, не так. Дело не только в том, что они меня не могут увидеть. Окно тоже не отражало меня — по сути, я исчез.

У него была внезапная мысль. Может, я сам того не зная, умер? Плюс к этому, также казалось, что они не слышали голос Сохэя. Одежда, которую он носил на своём теле — насколько он мог сказать, судя по окну — тоже исчезла.

Может он и впрямь спрыгнул в реку раньше и сумел покончить с собой, так ещё и не осознал, что умер и стал прикованным к земле призраком?

Ни с того, ни с сего Сохэй пнул мусорный мешок, сложенный у его ног. Мешок был очень лёгким, он покатился дальше, чем он ожидал. Когда мусор внутри рассыпался вокруг, кто-то проходивший рядом, отскочил: «Что это было?!».

Сохэй на автомате подошёл и схватил себя за грудь. Он не умер. Не то чтобы он тоже стал призраком, или что-то такое. Он по-прежнему мог дотронуться до предметов, и когда он хорошенько обдумал это он плюхнулся на землю.

... Так и есть.

... Я стал невидимым человеком.

<http://tl.rulate.ru/book/24138/502979>